

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

embedded in the elaborate texts it seeks to subvert in order to defeat any lingering expectation of or dependence on textuality in accord with the notion of "no reliance on words and letters"» (p. 61). After such a rather enigmatic declaration the author moves to a rational explanation why the koan is to be interpreted on a logical level. In a striking contrast to the conventional understanding of the Soto Zen tradition, Heine convincingly proves that there is no considerable difference between approaches of Ta-hui and Dogen.

The appendixes include translations of three koan cases from the «Shobogenzo» and the complete list of all cases in the «Mana Shobogenzo». One feels puzzled, why the latter work proclaimed from the very beginning to be an important source for an adequate understanding of Dogen's thought is mentioned and (even less) analyzed than the standard «Kana Shobogenzo» version. The whole list of 300 koan cases with indications of exact places they have been cited in Dogen's writings and with correspondences to Sung texts is provided, though the aim of list is not defined quite clearly.

At the same time one should stress that Heine extensively used any available Japanese sources in the Dogen studies (Kawamura Kodo, Ishii Shudo and Kagamishima Genryu, to mention just a few) that in a more traditional manner anticipated many of his statements. Nevertheless, Dogen still stays a charismatic figure that with his philosophical background still prevents us to embrace the whole chart of the Soto Zen development in Japan. Even though left into oblivion by his own followers, he went on to stay through centuries a highly respectable figure to convince anyone that the Soto Zen must be traced to Dogen's thought and interpreted in its vein. However, the real situation is more perplexed, and to grasp the philosophical input of Dogen to the medieval Buddhism we are to scrutinize the tradition as it had existed for centuries after his death. Popular religious trends, adoption of native cults along with new influences accepted by the Soto Zen after the infusion of the rather influential Daruma school, as well as possible influences to the Soto Zen are left untouched in the present study.

Dogen is mostly presented as a person dangling in an a-historical space. Heine pays a lot of attention to Dogen's attitude towards two main trends in the Chinese Soto line: 'the silent illumination' (*mokusho-zen*), identified with Hung-chih Cheng-chueh (1091–1157), and the 'koan introspection' (*kanna-zen*) advocated by Ta-hui Tsung-kao (1089–1163), the main supposed opponent of the Dogen's criticism. Heine tries to eliminate the opposition and to prove that Dogen virtually had a closer intellectual affinity with Ta-hui than it was traditionally believed.

It is a pity that we get almost no information about the use of the koan by his followers in later centuries: the special koan manuals with secret stereotyped answers or private initiations into the koan practice. In fact, Heine aimed to unveil only the koan's importance for Dogen, but the tradition did not stay unchallenged for centuries and its modifications with course of time are of primary importance.

The book will be surely applauded by people with inclinations to post-modernist structural theories and criticized (or rather ignored) by those who prefer more traditional approaches. I would suggest a compromise: it may be used by traditional scholars to get a better understanding of Dogen's thought and by people with post-modernist trends as a valid guideline for use of their beloved theories when applied to studies of the Oriental thought.

Alexander Kabanoff

«О сколько нам открытий чудных...»

С тех пор, как наша страна оказалась поражена громом перестройки и всяких свобод, в книгоиздании произошло много отрядных событий, главным из которых можно считать возникновение частных издательств. Эти издательства, чьи пятилетние и шестилетние юбилеи идут широкой стройной чередой, за довольно непродолжительный срок про-

делали непростой путь от энтузиастов-дилетантов до вполне крепких, профессиональных коллективов, знающих и любящих свою работу и хорошо понимающих, что это значит — сделать Книгу. Прошли те времена, когда читатель, изголодавшись по изданиям разным, ранее невиданным, хватал любую новинку и когда можно было выпустить любую книгу любым тиражом, и это все равно быстро и хорошо раскупалось. Ныне суровая экономическая действительность толкает книгу «умную», интеллектуальную к пропасти постепенного исчезновения — столь дорого издателю стало выпустить такую книгу и столь сложно распространителю стало довести до ее читателя. Дорого выпустить, но еще дороже подготовить! Известно, что стоимость макета научной книги часто бывает существенно выше стоимости печати. И хотя не годится экономить на предпечатной подготовке, издатель иногда вынужден, хоть и с горечью, это делать. Вполне естественно, что в такой ситуации организации, гордо называющие себя издательствами, но по сути таковыми не являющиеся (ведь быть издательством значит не только купить лицензию на право книгоиздания да еще пару компьютеров с принтером), пытаются по мере сил вклиниться в нишу интеллектуальной литературы и на скорую руку предложить свои опыты в этой области. Вряд ли стоит говорить об отвратительном полиграфическом исполнении таких книг — ведь то, что книга издана на газетной бумаге разного оттенка, не умаляет достоинств самого текста: издавался же, к примеру, во времена социалистические так (или почти так) Маркес в Кишеневе, и слава Богу, что издавался! Хуже, когда страницы книги исполнены опечаток — о существовании такого понятия, как корректура, новоявленные издатели только слышали. Ясно, что это пройдет, время отсеет негодное, некачественное. Много хуже, когда книгоиздающие организации (язык не поворачивается назвать их иначе) с поражающей воображение смелостью берутся за то, что явно находится вне сферы их компетенции. Например, за книгу о Востоке.

Восточную книгу издавать трудно. Чужая культура вообще сложна и непонятна, и чтобы адекватно довести до

русского читателя даже переводимый с английского детектив с японской или китайской спецификой нужно знать не только язык, с которого переводишь, но и немного представлять себе реалии культуры соответствующей страны (хотя бы на уровне имен и их передачи в общепринятой русской транскрипции). В конце концов, элементарная переводческая добросовестность приводит к необходимости проконсультироваться со специалистами о том, в чем не компетентен сам. И хорошо, если канули в Лету такие книги как «Золото Будды» (СПб., 1993), где стараниями Творческо-производственного объединения «Измерение» были собраны переводы детективных романов Р. ван Гулика. Элементарное незнание составителей и переводчиков английской транскрипции китайских имен привело к тому, что в русских переводах стали действовать персонажи с именами странными (Ку Менг-пин, Хун Пен, Тзао Мин и другие), а порой даже загадочными (Хай Цех, Ах Кванг, Йи Пен). Человек понимающий может с теми или иными затруднениями восстановить истинное звучание имен персонажей, но что делать читателю неосведомленному с тем же Пей Су-нянгом и что он должен подумать о Роберте ван Гулике да и о самих китайских именах?

И вот движимый жаждой знания читатель, чувствуя, что в тексте что-то не так, пытается проложить дорогу к правильному пониманию имен и названий. Самый простой путь к этому — учебник для начинающих, который может познакомить хотя бы с основами языка. Читатель идет в книжный магазин и обретает там произведение широко известной в узких кругах книгоиздающей организации — «Учим японские иероглифы» (СПб.: Лань, 1997), тоже перевод с английского (сделанный притом не кем-нибудь, а «зав. ред. иност. лит. (?) Нехай А. П.»). Данная книга представляет собой подлинный шедевр книгоиздания: английский вариант книги, вероятно, был аккуратно расшит на листочки; рядом с английской транскрипцией чтения иероглифов делатели книги вклеили русские переводные эквиваленты. Колонтитулы и все прочее остались английскими и в русском переводе мы имеем «Essential Characters», «General-use Characters» и т. п. Поистине, велик

был труд по переводу! Неясно только, чему с помощью такого «впервые переведенного на русский язык» пособия можно научиться, кому оно предназначено и зачем, собственно, было портить английское издание выборочными русскими вклейками.

Но наш читатель упорен. Отбросив поделку «Лани» и пожалев о потраченных на нее немалых деньгах, он смело идет к полке со словарями и справочниками на русском языке. И там находит «Энциклопедию восточного символизма», изданную Ассоциацией Духовного Единения «Золотой Век» (М., 1996). Сюрпризы для читателя начинаются прямо с титульного листа. Оказывается, специально для Ассоциации эту замечательную энциклопедию составил К. А. Вильямс¹. Такое замечательное единение с авторами из прошлого невольно заставляет признать, сколь велики успехи Ассоциации на пути духовного единения.

Таинственным образом объединившись с Вильямсом в едином духовном порыве, Ассоциация проделала титаническую работу по подготовке рукописи к печати, что выразилось в копирайте на обороте титула, оставляющем за Ассоциацией права на «научное редактирование». Увидев вначале это знамение, наш любознательный читатель думает, что данная книгоиздающая организация, видно из скромности умолчав о том, что представляет читателю перевод с английского известной книги Вильямса, все же внесла свою посильную лепту в текст: например, добавила в нее иные материалы, дабы издание соответствовало своему названию и действительно охватывало бы не только Китай, но и весь Восток, или адаптировала его к сегодняшнему дню — ведь со времени Вильямса немало лет утекло, Китай сильно изменился да и китаеведная наука шагнула далеко вперед. То, что в свое время чи-

талось как новое, нынче смотрится скорее анахронизмом и относится уже к истории науки.

Но где, где научный редактор? Уже в содержании мы видим ряд загадочных названий, которые переводчики (мудро оставшиеся неизвестными) оставили вовсе без перевода. Что ж, может быть это и выход: не знаешь, как написать по-русски, пиши как в оригинале. И это было бы возможно, если бы все переводчики (а работала, несомненно, целая группа), договорились об этом принципе и неукоснительно ему следовали. Увы! Чаще всего переводческий талант старался объять необъятное, и в результате бессмертный Чжунли Цюань превратился в Чунг-ли Чуана, Чжан Го-лао — в Чанг Куо-лао, племянник Хань Юя Хань Сян-цзы — в Хан Хсянг-цу, а бессмертная поэтесса Хэ Сянь-гу по мановению шаловливого пера стала Хо Хсьен-ку (с. 63—66). Допустим, это трудные имена, в литературе встречающиеся не так часто, но почему «Дао дэ цзин», произведение, казалось бы, широко известное, превратился «Дао-тех Кинг»? На с. 72 внезапно возникают буддийские праведники с загадочным названием «лохан»; тут же приведены их изображения (добросовестно изъятые из книги Вильямса) с потрясающими воображение подписями: «Лохан номер 1, лохан номер 2, лохан номер 3» и т. д. Последнего, кстати, по версии Ассоциации, зовут Пин-тоу-лу-О-ло-суи-ших, просто мантра какая-то!

В порыве духовного единения с таинственным Востоком Ассоциация пошла дальше и кое-где вставила в русский перевод присутствующие в английском оригинале иероглифы — наверное, в качестве забавных, оживляющих текст картинок. Эта инициатива, как и следовало ожидать, закрепила успех издания, и в нем появились замечательные перлы типа: «Солнце, обозначаемое иероглифом 說文»² (с. 340), или просто иерог-

¹ Имеется в виду C. A. S. Williams. Указанный автор в свое время действительно написал книгу под названием «*Outlines of Chinese Symbolism and Art Motives*» и подзаголовком «*An alphabetical compendium of antique legends and beliefs, as reflected in the manners and customs of the Chinese*». Книга выдержала несколько переизданий (например, в Шанхае в 1932 году). Даже беглого взгляда на изделие Ассоциации достаточно, чтобы определить, что мы имеем дело с переводом именно этого издания.

² Указанные иероглифы обозначают не солнце (которое пишется иероглифами 太陽), а сокращенное название толкового словаря китайского языка «Шо вэнь цзе цзы». Вообще, этому словарю, кажется, не повезло больше прочих: судя по частоте издевательств над его названием Ассоциация Духовного Единения прониклась к словарю особой любовью. Например, на с. 99 «Шо вэнь цзе цзы» неожиданно превратился в «словарь Шоу Вэна». Есть и разночтения: «словарь Шоу Ве-

лифы, без какого-либо переводного эквивалента (видимо, К. А. Вильямс предоставил издательству небрежно подготовленную рукопись?).

Удалось Ассоциации поразить читателя и русским языком перевода. Так, на с. 157 легко можно узнать, что такое «Поза Maitreya»: это «типично европейская сидячая поза со свисающими ногами». А на с. 208 один из переводчиков потряс читателя своей недюжинной эрудицией и способностью походя делать глобальные обобщения: «Традиционного китайского льва коллекционеры иногда называют "корейским львом" или "Собакой Фу" (Фу — жанр китайской литературы. — Прим. переводчика)...» Или: «Китайцы не проводят жесткого различия между жабами и лягушками (мы, кажется, тоже. — Прим. переводчика)» (с. 115). Но интереснее всего кажется интерпретация (ибо, как будет видно ниже, это больше, чем перевод) статьи о лисе. Читатель с немалым интересом узнает, что в современном Китае (наверное, и посреди Пекина) до сих пор «часто можно встретить придорожное святилище, посвященное лисе» (с. 212) и что китайцы очень боятся лис¹. Истинная же развязка, подводящая читателя к подлинному пониманию глубин китайской культуры, кроется в заключительной фразе данной статьи (с. 213). Она дословно сообщает следующую потрясающую информацию: «Массу интересных легенд приводит профессор Н. А. Giles в своей книге *Strange Stories from a Chinese Studio*. Этот материал ему передал Liao Chai Chin I, а записал эти истории P'u Sung-ling в 7-ом веке н. э.» Каким же незаурядным талантом переводчика, а главное, какой смелостью и жаждой «деньжат по-легкому немного срубить» надо обладать, чтобы, во-первых, поселить Пу Сун-лина в VII (вместо XVII-го) веке и, во-вторых, заставить сочинение «Ляо чжай чжи и» («Записки Ляо Чжая

о чудесах», т. е. Liao Chai Chin I в интерпретации Ассоциации), более полутора десятков раз издававшееся на русском языке в прекрасных переводах академика В. М. Алексеева, «передать этот материал» Г. А. Джайлзу! Не совсем понятно только, как этот «материал» умудрился в VII веке «записать» Пу Сун-лин. Хороший сюжет для фантастического боевика на скорую руку — ожившая книга (монстр!) вдальбливает истории в голову профессору Джайлзу², который, попутно изобретает машину времени, переносится в прошлое и быстренько надиктовывает тексты древнему китайцу: эксперименты над пространственно-временным континуумом в действии!

Нет никакой возможности объять необъятные чудеса символизма, сокрытые в произведении Ассоциации Духовного Единения. Любой интересующийся может продолжить самостоятельные изыскания в области тонких граней самобытной китайской культуры, талантливо описанных в «Энциклопедии восточного символизма». Эта книга не оставит читателя равнодушным, она вполне может заменить сборник анекдотов и подарит множество веселых минут человеку, мало-мальски знакомому с культурой Поднебесной. «Энциклопедию» можно цитировать почти с любого места. Нам же остается только утешаться надеждой на то, что грамотных людей в нашей стране пока еще больше, и урон, нанесенный данным изданием окажется минимальным. Только вот как быть с честью и достоинством К. А. Вильямса, Г. А. Джайлса и Пу Сун-лина, авторов несомненно пострадавших и, увы, не имеющих возможности защитить себя и свои произведения?³

Л. И. Гохман

на» (там же), «Shuo Wen Dictionary» (с. 211). Вообще в «Энциклопедии» многие известные китайские сочинения обретают вторую, принудительную жизнь в человеческом облике.

¹ Что было безусловно верно для тридцатых годов нашего века и стало бы понятно, если бы Ассоциация взяла на себя труд «научного редактирования» в принятом смысле этого слова.

² Джайлз в свое время как раз и перевел новеллы Пу Сун-лина на английский язык; именно его переводы и были изданы под названием «Strange Stories from a Chinese Studio».

³ Старая история: как легко и просто издавать произведения автора, которого уже нет среди живых! Никто не защитит его права; если написанное им попадет в недобросовестные руки, то при нашем законодательстве и его действительности, автор обречен на произвол, граничащий с издевательством. Примеров тому множество.